

Ю.В. Андреев

ТИРАНЫ И ГЕРОИ. ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИЗАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СТАРШЕЙ ТИРАНИИ

Историческая стилизация всегда считалась одним из самых эффективных приемов политической пропаганды. Принято думать, что в древности этот прием впервые стали широко использовать эллинистические монархи, примеру которых затем последовали и римские императоры. Едва ли не первым на этом пути был, как полагают многие, Александр Македонский, избравший образцом для подражания Ахилла и всюду возивший за собой в своих походах список «Илиады», с которой он старался сверять свои поступки как хорошие, так и плохие. В действительности, однако, все началось намного раньше. Мне уже приходилось говорить и писать о том, что так называемый «Лякургов космос» в Спарте был задуман его создателями как вполне сознательная стилизация под героический образ жизни¹. Попробую теперь развить эту мысль, подкрепив ее примерами несколько иного рода, но также взятыми из истории архаической Греции. Речь пойдет о раннегреческой тирании.

Дошедшие до нас жизнеописания тиранов старшего поколения включают в себе немало элементов стилизации, которые обнаруживаются при достаточно внимательном их анализе. Некоторые из этих элементов носят явно литературный или фольклорный характер, т.е. были введены в повествование задним числом, после того как событие, с которым их связывают анонимные авторы биографии, уже произошло, хотя, возможно, еще при жизни тирана и, вполне вероятно, по его прямому наущению. Так, знаменитая история о чудесном спасении младенца Кипсела, которого его мать Лабда спрятала от посланных к нему убийц в глиняном ларце или ящике – кипселе, от которого будущий тиран будто бы и позаимствовал свое имя, живо перекликается с многочисленными мифическими рассказами о героях былых времен, которые так же, как и Кипсел, были скрыты или в другой версии заточены в ларце-ковчеге или каком-нибудь другом контейнере и благодаря этому спаслись от грозившей им гибели. Наиболее популярен в этом смысле, конечно, миф о спасении маленького Персея. Но он далеко не единственный. Параллель тиран – герой здесь вполне очевидна и, надо полагать, скрывает в себе определенный пропагандистский умысел, возможно, рожденный в ближайшем окружении самого тирана или среди каких-то особо пылких его приверженцев и почитателей.

Однако заинтересованный в своей героизации и еще прижизненном апофеозе тиран мог, опережая всегда запаздывающую молву, сам лепить свой образ и свою биографию, используя не слухи, распускаемые то ли с его ведома, то ли без него, а

¹ Андреев Ю.В. Греческий полис без бюрократии и литературы (Письменность в жизни спартанского общества) // Hyperboreus. 1994. V. 1. Fasc. 1. С. 15 сл.

свои собственные вполне реальные поступки, сориентированные с поступками какого-нибудь древнего героя, т.е. прибегая опять-таки к стилизации, но теперь уже не литературной, а, скорее, театрально-исторической.

Наши источники и прежде всего Геродот в целой серии его исторических новелл характеризует тирана как более или менее ясно выраженный тип личности, отличительными чертами которого могут считаться, во-первых, необыкновенная жизненная активность, предприимчивость и изобретательность, во-вторых, редкая удачливость почти во всех начинаниях и, в третьих, подчеркнутая экстравагантность его манеры поведения, явно рассчитанная на эпатаж и даже на шоковый эффект, но вместе с тем и на завоевание особого рода популярности среди сограждан. Вот на этой последней особенности личности типичного тирана я и хотел бы сейчас остановиться. Тираническая экстравагантность могла выражаться в поступках самого разного рода, образующих широкий спектр эксцессов от более или менее безопасных для окружающих чудачеств и сумасбродств до проявлений самой крайней жестокости и даже садизма. Общей целью всех этих выходов (если предположить, что они совершались с определенным умыслом и расчетом, а не просто в припадке бешенства или умоисступления, хотя такие случаи, вероятно, тоже бывали) по всей видимости, может считаться демонстрация силы и удалы тирана, его безоговорочного превосходства над всеми остальными смертными как человека, для которого «никакие законы не писаны» и, стало быть, не существует никаких сдерживающих факторов ни нравственного, ни религиозного, ни политического порядка.

Греческие историки, начиная с Геродота, естественно, оценивали эти вспышки тиранического темперамента сугубо негативно как проявление губительного безумия, как гордыню-гюбрис, неизбежно влекущую за собой тяжелую расплату. Но в той социальной среде, которой эти поступки непосредственно адресовались, они могли восприниматься несколько по-иному: вызывая возмущение, содрогание и даже ужас, они одновременно могли рождать в душах очевидцев также и восторг, вероятно, близкий к тому, который переживали зрители в греческом театре, становясь свидетелями леденящих кровь злодеяний древних царей и героев. Можно предполагать, что сумасбродства и свирепая жестокость первых тиранов вызывали в сознании их современников, мыслящих в значительной мере категориями так называемого «мифологического мышления», длинную цепь образных ассоциаций, уходящих в далекое героическое прошлое Эллады. Таким образом, создавались как бы исторические прецеденты, не только оправдывавшие поведение узурпатора в глазах людей той эпохи, но и наполнявшие его глубоким символическим смыслом. Сами тираны, по-видимому, хорошо это понимали и вполне сознательно стилизовали свои шокирующие общество выходы, уподобляя их широко известным поступкам мифических и эпических героев.

Приведем лишь несколько примеров, на мой взгляд, в достаточной мере подтверждающих эту мысль. Наиболее очевидный из них это, конечно же, – въезд Писистрата в Афины на колеснице в сопровождении красивой женщины, облаченной в доспехи и одеяние богини Афины (Herod. I. 60; Aristot. Ath. Pol. 14, 4; Polyae. I. 21). Ассоциация с известной сценой «Илиады», в которой Афина встает на колесницу рядом с Диомедом, чтобы помочь ему в бою (Hom. 2. 5, 835 sqq.) в этой ситуации, конечно, напрашивалась сама собой. Другой тоже хрестоматийный пример экстравагантности тирана – знаменитый рассказ Геродота о перстне Поликрата (Herod. III. 42; Plat. Men. 90a) также находит свою сюжетную параллель в мифе или героическом сказании об одном из подвигов Тесея, совершенном по дороге на Крит (Bacchylid. Carmen. 17. Snell, 1958). Напомню, что в этой истории афинский герой ныряет в морскую пучину с корабля, чтобы отыскать там кольцо Миноса, которое спесивый критский владыка нарочно бросил в море, дабы испытать божественность происхождения своего пленника. Роскошный жест Поликрата, если, конечно, предположить, что здесь перед нами – не просто очередной бродячий сюжет, вполне может быть понят как созна-

тельное подражание первому талассократу Эгеиды даже и в самых безрассудных его деяниях.

В тот же ряд тиранических сумасбродств и неистовств, за которыми угадывается стремление отдельных узурпаторов окружить свою несправедливую власть ореолом героической харизмы, я, пожалуй, поставил бы еще и довольно странный поступок Феагена Мегарского. Этот тиран, если верить Аристотелю, велел своим людям перебить стада скота, принадлежавшие мегарской знати (Aristot. Polit. 1305a 21). Зачем он это сделал, остается неясным. На этот счет существуют различные мнения. Одни исследователи полагают, что Феаген хотел посредством этой варварской меры подорвать экономическое могущество знатных семей, сразу лишив их основного богатства. Другие видят в этой акции всего лишь демагогический жест, имевший своей целью завоевание народных симпатий, если допустить, что мясо забитых быков и баранов было использовано для устройства грандиозного пиршества. Не отвергая ни одну из этих возможностей, я решил бы дополнить их еще одной догадкой, предположив, что особую, можно сказать, символическую значимость этой резне могла придать скрытая в ней, но, вероятно, вполне очевидная для современников события историческая реминисценция – намек на последний «подвиг» Аякса Тедамонида, в приступе безумия истребившего весь ахейский скот и затем покончившего с собой. (Ovid. Met. 13. 1 sqq.; Guint. Smyrn. 5. 123 sqq.). В отличие от Аякса Феаген, конечно, не собирался бросаться на свой меч, но не упустил случая сыграть перед изумленными согражданами впавшего в буйное помешательство героя. Если этот спектакль и в самом деле сопровождался хорошим угощением, успех новоиспеченному тирану был, конечно, обеспечен. Очень похоже, что не чужд был такого же специфического интереса к мифологии и прославившийся своей чудовищной жестокостью Фаларид Акрагантский. Знаменитый бронзовый бык, в котором тиран, если верить традиции, живьем сжигал своих жертв (Pind. Pyth. 1. 185; Herakl. Pont. FHG. 2. 223), невольно вызывает в памяти другое тоже бронзовое чудовище – великана Талоса, который по поручению Миноса должен был охранять Крит от испрошенных гостей. Поймав высадившихся на острове мореплавателей, этот монстр сжимал их в своих раскаленных объятиях (Schol. Od. 20. 302; Schol. Plat. Resp. 337; Svida. S.v. Sardonios Gelos; Zenob. 5. 85). Любопытно, что в одной из версий мифа Талос назван «быком» (Apollod. I. 9. 26). Очевидно, древним он был известен как в антропоморфном, так и в зооморфном облике. Можно предполагать, что с помощью такой мифологической аранжировки своих карательных акций тиран Акраганта пытался оправдать свои претензии на родство, то ли духовное, то ли прямое кровное, с одним из самых почитаемых, но и самых свирепых царей героического века (кровное родство в данном случае не исключено, ибо, как известно, Минос погиб в Сицилии, где-то неподалеку от Акраганта)².

Для нас сейчас важно однако не буквальное или хотя бы приблизительное совпадение двух «текстов»: «текста» мифа и «текста» спектакля или перформанса, поставленного тираном по мотивам мифа. Важно то, что в этих своих «импровизациях» тираны явно пытались имитировать сам менталитет героев древности, их психический склад и, разумеется, присущие им поведенческие стереотипы. При этом они настолько вживались в образ, настолько проникались духом эпохи, что продолжали лицедействовать в этом же стиле даже и там, где не находилось подходящих мифологических прецедентов. Так можно объяснить некоторые их сумасбродные или просто безумные поступки, которые в ином историческом контексте могли бы свидетельствовать о их душевном расстройстве. Образцами такого наигранного безумия, вероятно, можно было бы признать, например, известные эпизоды из биографии Периандра, в одном из которых тиран, по свидетельству Геродота, велел раздеть

² Об особом интересе Фаларида именно к критскому циклу мифов свидетельствует посвященный им в храм Афины Линдии на Родосе бронзовый кратер с надписью: «Дедал дал меня как дружеский дар Кокалу» (Hopper R.J. The Early Greeks. N.Y., 1977. P. 13).

догола всех коринфских женщин и сжечь их одежду, дабы умиловить тень своей покойной супруги, в другом же отправил в подарок лидийскому царю Аллиату триста знатных керкирских юношей, чтобы тот оскотил их и использовал как евнухов в своих гаремах (Herod. III. 48–49; V. 92).

Для того, чтобы смысл всего вышеизложенного был более понятен, здесь было бы уместно сказать хотя бы несколько слов о природе греческого героизма в древнейшем его варианте. В архаическом обществе герой противопоставит обществу как особого рода сакральный объект, заряженный некой магической энергией, которую полинезийцы называли «маной», североамериканские индейцы «орендой», а гомеровские греки «священной силой» (*ἱερόν μένος*). Эта энергия создает вокруг героя особую ауру или некое подобие силового поля, которое в зависимости от расположения его духа может быть как благотворительным, так и вредоносным, губительным для окружающих его простых смертных. Именно этим в конечном счете и объясняется его способность служить защитой для друзей и нести гибель врагам, хотя друзья и враги здесь могут легко поменяться местами³. Даже останки героя сохраняют в себе его чудодейственную силу и могут изменить ход событий в сторону благоприятную для того, кто сумел ими завладеть. Вспомним хотя бы известный геродотовский логос об отважном спартанском разведчике Лихасе, который отыскал на территории Тегеи останки Ореста, доставил их в Спарту и тем самым обеспечил своим согражданам победу в войне с тегеатами (Herod. I. 67–68).

Переполняющая героя энергия – вполне стихийна, неразумна и, стало быть, лишена какой бы то ни было нравственной ориентации. Она может толкнуть своего носителя на самые дикие и безрассудные поступки и постоянно ввергает его в состояние неистовства или гнева. Впадая в иступление, герой совершает свои самые великие и страшные деяния. В таком состоянии он вполне может переступить опасную черту, за которой начинается уже самое настоящее безумие. Вспомним Геракла, убивающего своих детей, того же Аякса, уничтожающего ни в чем неповинных быков и баранов, Тидея, пожирающего мозг своего смертельного врага Меланиппа, и многие другие эпизоды в том же духе. Появление в некоторых из них богини Аты, помрачающей рассудок героя и толкающей его на преступления, скорее всего следует отнести на счет поздней рационалистической рефлексии, пытающейся перетолковать древнее сказание в более гуманном и нравственно приемлемом духе.

Весьма вероятно, что в своих казавшихся со стороны сумасбродными или слишком уж экстравагантными поступках тираны ориентировались именно на этот тип неистовствующего, гневливого или безумствующего героя. С помощью такого рода исторической стилизации они могли найти опору в традиции для своих наиболее радикальных и одиозных мер, поднимая их на уровень чуть ли не сакрального акта. Уподобляясь древним героям, они оказывались «как бы по ту сторону добра и зла», обретая все права экстерриториальности по отношению к обыденной морали и к полису с его законами и общественным мнением. Применяемый в разумной пропорции с террором, социальной демагогией и подачками толпе этот политический «театр одного актера», наверное, мог принести его «авторам-исполнителям» хотя бы временный успех. Во всяком случае, толков и пересудов он вызывал немало, о чем свидетельствуют и уже упоминавшиеся логосы Геродота, и свидетельства других античных авторов. Однако по большому счету эти попытки тиранов поставить себя вне общества в качестве единственных во всем полисе полноценных и полноправных индивидов были заведомо обречены на неудачу. В отличие от народов Востока греки уже в самом начале своего исторического существования – в промежутке между микенской эпохой и эпохой Великой колонизации успели в достаточной мере вкусить личной свободы, успели ощутить себя свободными и полноценными личностями и не имели особой охоты подставлять шею под ярмо деспотии. Поэтому архаическая

³ Harrison J.H. Themis. A Study of the Social Origins of Greek Religion. Camb., 1912. Ch. 8.

тирания так и не вышла из своей, если можно так сказать, экспериментальной стадии, а сами тираны с их артистическими замашками остались в памяти народа как колоритные фольклорные персонажи, но не более того.

TYRANTS AND HEROES. HISTORICAL STYLIZATION
IN POLITICAL PRACTICE OF THE «OLD TYRANNY»

Yu.V. Andreev

Extravagant deeds of Greek tyrants and especially their extreme brutality known from Herodotus and other ancient historians could be explained as samples of a conscious historical stylization. Imitating in their actions the stereotypes of the behaviour of ancient heroes reflected in mythology or epic tradition, the tyrants put themselves «beyond the good and the evil», having got the necessary independence of the ordinary moral of the polis, its laws, and public opinion.